

логовъ, заслуживаетъ особаго вниманія всѣхъ интересующихся исторією Византіи, вообще, и Греко-восточной церкви, въ частности.

Желаемъ почтенному автору дальнѣйшихъ успѣховъ въ его научныхъ работахъ!

Профессоръ М. Красноженъ.

Ю. Кулаковскій. *Исторія Византіи.* Томъ I. Кіевъ, 1910. 536 стр., 8° тај., съ 4 табл. Цѣна 3 руб.

Авторъ, классикъ по своему образованію и по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, чувствуетъ себя обязаннымъ указать на тотъ путь, какимъ онъ пришелъ въ новую область историческаго знанія. Историко-филологическій факультетъ университета св. Владиміра поручилъ ему чтеніе курса по исторіи Византіи. Проф. Кулаковскій, какъ онъ сообщаетъ намъ въ предисловіи, «изъ стараго Рима перешелъ въ новый и успѣлъ въ своемъ курсѣ обозрѣть со своими слушателями жизнь имперіи до знаменательной эпохи возникновенія священной римской имперіи Карла Великаго. Тѣ затрудненія, которыя создаетъ для учащихся отсутствіе въ нашей литературѣ общихъ сочиненій по исторіи Византіи, побудили его приняться за обработку своего курса по конспектамъ, которые онъ составлялъ для лекцій. Само собою разумѣется, что пришлось опять обратиться къ источникамъ и его текстъ, по мѣрѣ обработки, разрослся противъ того, что было въ концептѣ». Не смотря на эти слова, для рецензента не ясно, какъ онъ долженъ смотрѣть на трудъ Ю. А. Кулаковскаго и съ какой точки зрѣнія его критиковать. Исторія Византіи можетъ быть популярнымъ сочиненіемъ (какова напр. книга Герцберга) и спеціальнымъ изслѣдованіемъ (напр. многотомный трудъ Лебо), и въ томъ, и другомъ случаѣ нельзя прилагать одну общую мѣрку. Въ настоящую минуту чувствуется большая потребность въ популярной исторіи Византіи, которая удовлетворяла бы современнымъ научнымъ требованіямъ и могла бы въ то же время служить университетскимъ учебникомъ. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Кіевѣ исторія Византіи введена въ кругъ обязательныхъ предметовъ, а единственная книга, доступная студенчеству и могущая дать ему и публикѣ сколько-нибудь цѣльное представленіе о судьбахъ византійской имперіи, исторія Герцберга вышла въ русскомъ переводѣ 15 лѣтъ тому назадъ, въ оригиналѣ 28 лѣтъ тому назадъ, устарѣла и къ тому же представляетъ библиографическую рѣдкость. Если судить по черезчуръ элементарнымъ картамъ, пригоднымъ развѣ для гимназическаго учебника, по элементарному изложенію государственнаго устройства римской имперіи въ IV вѣкѣ, можно думать, что авторъ имѣлъ въ виду широкую публику. Этому противорѣчатъ, однако, постоянныя ссылки на источники

и объемъ сочиненія, которое задумано въ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ первомъ томѣ, въ 536 страницъ, авторъ успѣлъ разсказать событія лишь шести царствованій (отъ Аркадія до Анастасія); онъ считаетъ своей обязанностью излагать мельчайшіе факты, превосходя въ этомъ отношеніи нѣмецкія диссертаціи, посвященныя событіямъ 2—3 лѣтъ и не пропускающія ни одного слова, найденнаго въ источникахъ. При такой системѣ изложенія проф. Кулаковскому понадобится написать по меньшей мѣрѣ 6 томовъ, а принимая во вниманіе, что впредь онъ найдетъ у византійцевъ гораздо больше матеріала, цѣлыхъ 12. Не мало смущаетъ критика и списокъ источниковъ и пособій, помѣщенный въ предисловіи безъ всякой системы. Здѣсь указано старое боннское изданіе Іоанна Лидійца 1837 г., между тѣмъ, какъ существуетъ новое (Ioanni Lydi de magistratibus ed. Wuensch. Lips. 1903). Гдѣ искать *chronique de Josué le stylite*, появившуюся въ *Abhandl. für die Kunde des Morgenlandes*, совсѣмъ не указано. А для житія св. Саввы Освященнаго указаніе Палест. Сборн. не вѣрно; въ Прав. Палестинскомъ сборникѣ такого житія не имѣется. Литература предмета размѣщена по довольно оригинальной системѣ. Наука XVII и XVIII вѣковъ (всего 8 названій) выдѣлена почему-то въ отдѣльную рубрику, и здѣсь мы находимъ старинное изданіе Θεοδοсіева кодекса, между тѣмъ, какъ новое значится въ списокѣ источниковъ; здѣсь же Лебо и Гиббонъ, а Финлей и Герцбергъ подъ другой рубрикой. Лекціи по исторіи древней церкви Болотова попали почему-то въ отдѣлъ исторіи литературы, а исторія древней церкви Дюшена помѣщена въ отдѣлъ: христіанство и церковь. Вообще, не совсѣмъ понятно, зачѣмъ напечатанъ этотъ списокъ. Подробные перечни сочиненій предпосылаютъ иногда, чтобы въ дальнѣйшемъ ссылаться на нихъ сокращенно, но на значительное большинство указанныхъ пособій въ книгѣ проф. Кулаковского нѣтъ ни одной ссылки. Нельзя думать также, что онъ хотѣлъ дать сколько-нибудь полный обзоръ литературы предмета. Изъ обширной литературы объ Іоаннѣ Златоустѣ онъ называетъ только два сочиненія устарѣлаго Тьерри и Пюха (Puesch). Если повѣрить автору, надо прійти къ выводу, что въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ никто Іоанномъ Златоустомъ не занимался.

Авторъ совсѣмъ не задается вопросомъ, когда начинается византійская исторія и существуетъ ли вообще какая-нибудь разница между византійской исторіей и римской? Онъ начинаетъ исторію Византіи съ императора Аркадія, т. е. съ того момента, когда римская имперія, окончательно раздѣлившись на двѣ половины, восточную и западную, болѣе уже не воссоединялась. Въ заглавіи поставлено: «Исторія Византіи», а затѣмъ мы читаемъ слѣдующее: «17 января 395 года скончался въ Миланѣ императоръ Θεодосій, и верховная власть перешла къ его старшему сыну Аркадію на востокъ, и младшему—Гонорію на Западъ. Дѣленіе имперіи на западъ и востокъ безъ нарушенія ея единства было нормальнымъ порядкомъ со времени правленія братьевъ Валентиніана и Валента и про-

должалось затѣмъ при Θεодосіи до смерти Валентиніана II въ 392 году. Люди того времени и самъ Θεодосій не соединяли съ дѣленіемъ имперіи на двѣ половины представленія о раздѣльномъ существованіи двухъ самостоятельныхъ государствъ. Новый порядокъ, начавшійся съ 395 года, отличался отъ того, какой былъ нѣкогда созданъ Діоклеціаномъ, лишь тѣмъ, что оба Августа были теперь совершенно независимы другъ отъ друга въ предѣлахъ своей территоріи и единство въ направленіи государственной политики находилось въ зависимости отъ добраго согласія обоихъ дворовъ» (стр. 147—148). Изъ этого ясно, что Аркадій былъ римскимъ императоромъ, и самъ авторъ не называетъ византійскими императорами ни его, ни преемника его Θεодосія, и имперію рѣшается называть только восточной, а не византійской. Говоря о смерти Маркіана, проф. Кулаковскій въ первый разъ употребляетъ терминъ византійскій императоръ и тутъ относитъ его также къ Θεодосію (стр. 329). Какъ извѣстно, общепринято начинать византійскую исторію съ Юстиніана, а Финлей началомъ ея считалъ VIII-й вѣкъ. Для того и другого взгляда можно привести нѣкоторыя основанія, но прежде всего надо установить разницу, существовавшую между имперіей византійской и римской. Однимъ изъ признаковъ византійской имперіи служитъ измѣнившійся племенной составъ населенія; этого существенно важнаго вопроса проф. Кулаковскій совсѣмъ не касается.

А въ одномъ неиспользованномъ имъ источникѣ, именно въ житіи Θεодосія¹⁾, онъ нашелъ бы одинъ очень важный для этнографіи фактъ. Въ житіи св. Θεодосія, написанномъ его ученикомъ Θεодоромъ, епископомъ Петрскимъ, сообщается, что этотъ святой построилъ въ своемъ монастырѣ четыре церкви, въ одной служили на греческомъ языкѣ, въ другой на армянскомъ, въ третьей молились Всевышнему на родномъ языкѣ Бессы ((ἐτέραν δὲ ἔνθα κατὰ τὴν οἰκείαν γλῶσσαν γένος Βεσσῶν τῷ ὑψίστῳ τὰς εὐχὰς ἀποδίδωσιν). О монастырѣ Бессовъ говоритъ Иоаннъ Москъ, а житіе св. Саввы Освященнаго сообщаетъ слѣдующее: «когда нѣкоторые православные отцы были избиты и воздвигаемо было гоненіе на правовѣрныхъ монаховъ, то іорданскіе Бессы пришли въ Іерусалимъ подать помощь гонимымъ православнымъ, и произошло открытое сраженіе съ Бессами и другими православными²⁾. Бессы, какъ извѣстно, аракійское племя, и представляется загадочнымъ, какимъ образомъ значительное поселеніе этого племени могло оказаться въ Палестинѣ, но во всякомъ случаѣ мало извѣстнымъ и совсѣмъ не оцѣненнымъ остается тотъ фактъ, что литургія служилась на языкѣ Бессовъ.

Чтобы познакомиться съ изложеніемъ проф. Кулаковскаго, достаточно разсмотрѣть царствованіе Анастасія (491—518), приближающееся къ

1) Usener. Der heilige Theodosios. Leipzig. 1890. Проф. Кулаковскій замѣтилъ свою ошибку, когда онъ отпечаталъ свою книгу, и въ дополненіяхъ привелъ нѣсколько строкъ изъ этого житія.

2) Gildemeister. Antonini Placentini itinerarium, p. 56.

византийскимъ временамъ. Авторъ начинаетъ съ церемоніала, сохранившагося въ книгѣ Константина Багрянороднаго «De Ceremoniis», передаетъ его почти дословно, посвящая ему 4 страницы. Ранѣе авторъ уже помѣстилъ столь же подробно провозглашеніе императоромъ Льва, и можетъ быть цѣлесообразнѣе было бы поговорить въ одномъ мѣстѣ о порядкѣ вступленія на престолъ императоровъ, если это нужно дѣлать въ общей исторіи Византіи. Разъ что авторъ взялся переводить византийскій церемоніаль, мы въ правѣ ждать отъ него точности и объясненія всѣхъ техническихъ терминовъ, встрѣчающихся у Константина Багрянороднаго. Между тѣмъ переводъ Ю. А. Кулаковскаго страдаетъ неясностями. Такъ напр. онъ пишетъ: «Изъ толпы раздалась возгласъ: Многая лѣта, царицѣ! Всѣ блага да бугутъ тебѣ, римлянка, если ничто чужое не умножитъ родъ римлянъ» (стр. 433). Переводъ до такой степени буквальный, что смысла его невозможно уловить (De Cerem. I, 420, πολλὰ τὰ ἔτη τῆς αὐτοῦστας, ὅλα τὰ καλὰ ἐπὶ σοῦ γένηται, Ῥωμαῖα, εἰ οὐδὲν ξένον αὖξει τὸ γένος τῶν Ῥωμαίων). Народъ и войска, говоритъ авторъ, привѣтствовали Анастасія восторженными кликами, а императоръ посылаѣ рукой поцѣлуи народу; по гречески: ἡσπάσατο τὸν δῆμον, надо думать, кланялся народу. Вечеромъ того же дня, пишетъ авторъ, были сдѣланы распоряженія о назначеніи на утро силенціи и конвента сановниковъ, не поясняя, что такое силенцій и конвентъ и какая между ними разница (De Cerem. I, 422, ὅψε ἐδόθη τὰ μανδάτα σιλέντιον καὶ κομέντων). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что на другой день собрались синклитики (по римской терминологіи сенаторы) и войска. Силенцій—это несомнѣнно собраніе сановниковъ, а конвентъ должно относиться къ сбору войска. Кампидукторъ полка ланціаріевъ, рассказываетъ авторъ, возложилъ на голову Анастасія свою золотую цѣпь, снявъ ее съ шеи, но какой это полкъ ланціаріевъ и какое значеніе придавалось золотой цѣпи, остается необъясненнымъ.

Далѣе Ю. А. Кулаковскій говоритъ объ избраніи на царство Анастасія, о борьбѣ его съ исаврами, смѣнѣ патриарха и волненіяхъ въ столицѣ. За этимъ слѣдуютъ такія рубрики: дѣла на восточной границѣ имперіи; столкновеніе съ Теодорихомъ и сношенія съ франками и бургундами; состояніе сѣверныхъ областей имперіи; церковныя дѣла; возстаніе Виталиана и сношенія Анастасія съ папой Гормиздой; финансовыя и административныя реформы Анастасія; смерть Анастасія и общая оцѣнка его правленія.

Главное мѣсто отведено изложенію фактической исторіи, и самое изложеніе отличается лѣтописнымъ характеромъ. Критики источниковъ не замѣтно въ сочиненіи проф. Кулаковскаго, и онъ повидимому одинаково довѣряетъ всѣмъ древнимъ писателямъ, которыми онъ пользовался. Панегирикамъ Прокопія и Присціана придаетъ онъ такое же значеніе, какъ хроникѣ Малалы или очевидцу Захарію Ритору. Авторъ сообщаетъ, что Анастасій оставилъ своему преемнику огромный фондъ въ 320 тысячъ фунтовъ золота, около 140 милліоновъ рублей, и не задумывается

надъ громадностью этой цифры для тогдашняго времени, хотя она очерпнута изъ мутнаго источника, изъ Тайной исторіи Прокопія.

Войны время Анастасія проф. Кулаковскій излагаетъ необыкновенно подробно; онъ считаетъ нужнымъ сообщить, что персидскій царь Кавадъ вѣхалъ въ Амиду на слонѣ на третій день послѣ взятія этого города, что 19 марта 504 г. случилось на одной фермѣ близъ города Зевгмы на Ефратѣ чудо: гусь снесъ яйцо съ изображеніемъ двухъ крестовъ и греческой надписью «кресты побѣждаютъ». Тѣмъ не менѣе мы не находимъ у автора той мелочной точности, которая должна соответствовать мелочному изложенію. Жаль, что авторъ не воспользовался аккуратной диссертацией Мертена, которая помогла бы ему разобраться въ подробностяхъ и не такъ слѣпо слѣдовать источникамъ¹⁾. Главный начальникъ всѣхъ гарнизоновъ, рассказываетъ проф. Кулаковскій, имѣлъ пребываніе близъ города Константины (стр. 450), а на слѣдующей страницѣ говоритъ, что дуксъ Мелитены Евгенийъ дошелъ до города Теллы. Константина и Телла одинъ и тотъ же городъ, разнo называемый въ источникахъ. «Кавадъ, рассказываетъ авторъ, упорно продолжалъ осаду Амиды. Подошло зимнее время и дожди, и персы сильно страдали отъ холода. Кавадъ готовъ былъ уже отказаться отъ своего намѣренія и отступить, но ночное видѣніе поддержало его рѣшимость довести дѣло до конца, и 10 января 503 г. неприступная Амиды была взята» (стр. 451). По словамъ Захаріи ночное видѣніе заключалось въ томъ, что Каваду явился Христосъ и сказалъ ему, что черезъ три дня передастъ ему жителей города, такъ какъ они погрѣшили противъ него. Рѣчь идетъ о персидскомъ царѣ, не исповѣдовавшемъ христіанской вѣры, и выдумка благочестиваго христіанина очевидна.

Вслѣдъ затѣмъ авторъ рассказываетъ, какъ произошло взятіе Амиды. «Одна изъ башенъ, говоритъ онъ, западной части стѣнъ города носила имя Трипиргіи (три башни); ее сторожили монахи изъ монастыря Уртайи, и ихъ архимандритомъ былъ персь». Слова эти основаны на исторіи Захаріи. Послѣдній однако не называетъ башню тремя башнями. Онъ говоритъ, что на западной сторонѣ города у Трипиргіи находилась стража монаховъ и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, монахи охраняли одну башню, а по сосѣдству съ ними были еще двѣ башни, такъ что Трипиргіи состоялъ по всей вѣроятности изъ трехъ башенъ. У Захаріи читаемъ, что для охраны одной башни взяты были монахи изъ Іоаннова монастыря Ортеевъ, а архимандритомъ ихъ былъ персь²⁾. Ортеи по латыни уртеи, это народъ, имѣвшій свой монастырь въ Амидѣ; поэтому указаніе Захаріи, что архимандритомъ былъ персь, когда городъ осаждался персами,

1) E. Merten. De bello persico ab Anastasio gesto. Lipsiae, 1905.

2) Я пользовался также, какъ проф. Кулаковскій, нѣмецкимъ переводомъ Захаріи: Ahrens und Krüger. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor, p. 107: Auf der westlichen Seite der Stadt bei Tripyrgia war eine Wache der Mönche, die aus dem Joanneskloster der Ortaeer genommen waren und deren Archimandrit ein Perser war.

имѣть большой смыслъ, а у проф. Кулаковскаго эта подробность осталась безъ надлежащей оцѣнки. «Персы, рассказываетъ далѣе авторъ, приблизились къ башнѣ, влѣзли на стѣны, застали монаховъ спящими, перебили ихъ и овладѣли Трипиргіемъ. Когда присутствіе врага было замѣчено и началась тревога, командиръ охраны подошелъ къ тому мѣсту съ факелами, и персы въ темнотѣ поражали своими выстрѣлами людей на выборъ». Непонятно здѣсь, почему персы оказались въ темнотѣ, если къ нимъ подошли съ факелами, и почему въ темнотѣ враговъ поражаютъ на выборъ, а не случайно. Захарія (р. 108) рассказываетъ слѣдующее: Когда градоначальникъ (игемонъ) услышалъ крики избиваемыхъ монаховъ и пришли люди съ факелами и стояли возлѣ него, легко было персамъ напасть въ нею стрѣлой въ то время, какъ персы стояли въ темнотѣ и стрѣлы въ нихъ не попадали, и градоначальникъ раненый ушелъ.

Далѣе проф. Кулаковскій рассказываетъ о томъ, какъ Кавадъ осадилъ Эдессу и вступилъ въ переговоры съ ея защитникомъ Ареобиндомъ, но переговоры ничѣмъ не кончились. Вслѣдъ затѣмъ читаемъ (стр. 455): «На Харранѣ было сдѣлано нападеніе, но жители города сдѣлали засаду, истребили 60 человекъ и захватили въ плѣнъ хана гунновъ. Кавадъ потребовалъ его выдачи, и тѣ прислали его и 1500 барановъ въ подарокъ». Эти строки не имѣютъ никакой связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ изложеніемъ, и невольно спрашиваешь себя, кто же напалъ на Харранъ и кто защищался. Чтобы получить отвѣтъ, надо заглянуть въ диссертацию Мертена, гдѣ сказано, что послѣ неудачныхъ переговоровъ съ Ареобиндомъ, персы отошли отъ Эдессы и пошли по направленію къ Харрану. Арабовъ же, находившихся въ его войскѣ, Кавадъ послалъ впередъ. На арабскій отрядъ сдѣлалъ нападеніе Рифита, начальникъ Харрана, тайно выйдя изъ города, убилъ 60 арабскихъ всадниковъ и взялъ въ плѣнъ хана гунновъ. Кавадъ обѣщалъ не воевать съ Харраномъ, если его жители выдадутъ гуннскаго хана, что тѣ и сдѣлали, боясь осады.

Вотъ еще лѣтописный рассказъ проф. Кулаковскаго, гдѣ дѣйствія Кавада представляются безсмысленными: 17 сентября предъ Эдессой появилась вся армія Кавада и укрѣпила свой лагерь по близости отъ города. Начались переговоры о мирѣ. Ареобиндъ обѣщался доставить черезъ два дня двѣ тысячи фунтовъ золота, и Кавадъ отступилъ отъ города. Но такъ какъ золото не было доставлено, то онъ опять появился подъ стѣнами Эдессы 24 сентября, а затѣмъ отошелъ на Ефратъ (стр. 456). Зачѣмъ же Кавадъ вторично подошелъ къ Эдессѣ для того только, чтобы вновь уйти?

Совсѣмъ непонятными представляются слѣдующія строки, которыя находимъ мы на той же страницѣ Исторіи Византіи: «Персы, сидѣвшіе въ Амидѣ, вступили зимою въ сношенія съ купцами и стали имъ продавать то, что находилъ въ обезлюдѣвшемъ городѣ. Патрикій (византійскій полководецъ), расположившійся на зимовку въ Мелитенѣ, узнавъ объ

этомъ, подступилъ къ Амидѣ, разбилъ выступившій противъ него персидскій отрядъ, перебилъ купцовъ и отрѣзалъ все пути сообщенія». Совершенно естественно, что персы, занявшіе Амиду, продавали что-то какимъ-то купцамъ, вѣдь дѣло купцовъ закупать и продавать товаръ. Почему такой обыкновенный фактъ могъ возбудить гнѣвъ византійскаго полководца? На основаніи диссертациі Мертена можно сказать, что дѣло представлялось въ такомъ видѣ: Когда византійцы временно отказались отъ осады Амиды и отступили, персы стали отправляться изъ города за съѣстными припасами. Узнавъ объ этомъ, Патрикій пошелъ на Амиду и подъ городомъ настигъ купцовъ, везшихъ хлѣбъ и масло, и персовъ, вышедшихъ изъ города за съѣстными припасами и сопровождавшихъ купцовъ, и перерѣзалъ купцовъ и этихъ персовъ. Послѣ этою византійцы рѣшили взять Амиду голодомъ. Проф. Кулаковскому слѣдовало бы сказать объ этомъ фактѣ въ другомъ мѣстѣ, именно предъ сообщеніемъ, что въ осажденной Амидѣ начался страшный голодъ (стр. 457).

Волненія, пишетъ авторъ, ссылаясь на Θεодора чтеца (стр. 472), приняли характеръ такой рѣзкой враждебности къ особѣ императора, что Анастасій издалъ указъ, по которому префектъ города долженъ былъ лично присутствовать при всякихъ общественныхъ моленіяхъ. Слѣдовало бы сказать: при крестныхъ ходахъ, въ которыхъ принималъ участіе императоръ ¹⁾.

Отрывочно, по лѣтописному составлена и глава о финансовыхъ и административныхъ реформахъ Анастасія. Если проф. Кулаковскій считалъ нужнымъ излагать мельчайшія подробности фактической исторіи, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы во всѣхъ подробностяхъ разработать внутреннюю исторію. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые указы Анастасія сохранились въ Юстиніановомъ Кодексѣ, но изъ 63 постановленій тутъ находящихся онъ воспользовался всего нѣсколькими. Въ одномъ абзацѣ авторъ говорить о замѣнѣ натуральной подати денежной и объ экстренныхъ закупкахъ хлѣба, тогда какъ эти два явленія не имѣютъ между собой ничего общаго. То, что онъ называетъ экстренными закупками хлѣба, это такъ называемая *συνωνή*, или принудительная поставка хлѣба.

При Анастасіи, пишетъ проф. Кулаковскій, была учреждена новая должность въ центрахъ обложенія и взиманія, названная латинскимъ словомъ *index*; то были правительственные чиновники, устанавливавшіе сумму обложенія по прямымъ налогамъ. При этомъ авторъ ссылается на самый неподходящій въ данномъ случаѣ источникъ, на житіе Саввы Освященнаго, въ то время какъ о видикахъ говоритъ и Иоаннъ Лидіецъ, и Евagriй. По словамъ Иоанна Лидійца, Анастасій уничтожилъ куріи по

1) Theod. lect. 2,21 (Patrol. gr. t. 86, col. 193). Διὰ τὰς γινόμενας ὑπὸ τοῦ λαοῦ στάσεις ἐν τῇ πόλει κατὰ τοῦ βασιλέως ἐπέσθησε τὸν ἑπαρχὸν τῆς πόλεως ἀκολουθεῖν ταῖς λιταῖς. Что литѣ значитъ крестный ходъ, ясно изъ De Cerem. I, 156 ἢ τῆς λιτῆς ὑπάντησις, I, 157 τῆς δὲ λιτῆς ἐγγιζούσης δίδεται σιλέντιον.

всѣмъ городамъ, продавая народъ всякому предложившему болѣе другихъ, и вмѣсто декуріоновъ ввелъ виндиковъ, которые распорядились не лучше непріятелей ¹⁾).

Въ хроникѣ Малалы есть указанія на два указа Анастасія, до насъ не дошедшіе. Проф. Кулаковскій передаетъ это мѣсто Малалы слѣдующимъ образомъ: «Среди заботъ Анастасія о благѣ населенія слѣдуетъ также отмѣтить запрещеніе кабальныхъ записей, *ἐγγράφων κοπιδερίαις* какъ значится у Малалы, который сохранилъ и нѣсколько словъ изъ текста указа, а именно: Мы молимся объ освобожденіи находящихся въ узакъ рабства. Какъ же намъ позволять, чтобы свободные люди поступали въ рабство? Одновременно съ этимъ указомъ былъ изданъ другой о воспрещеніи усыновленія безъ императорской сакры объ этомъ актѣ. Краткость замѣтки хрониста лишаетъ насъ возможности точнѣе представить себѣ, чѣмъ вызваны были эти указы, гдѣ и почему возникли условія, вызывавшія случаи закабаленія свободныхъ людей» (стр. 507—508).

Такимъ образомъ авторъ Исторіи Византіи считаетъ себя совершенно безпомощнымъ и не думаетъ, что краткость средневѣковаго лѣтописца обязываетъ современнаго историка сдѣлать соотвѣтствующія изысканія. Жаль, что авторъ не знакомъ съ капитальнымъ изслѣдованіемъ Миттейса, гдѣ онъ нашелъ бы интересный комментарий къ указу, сообщенному Малалой, и сопоставленіе съ обычаями и законами о продажѣ въ рабство себя и дѣтей (*L. Mitteis. Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs*, p. 358—364). А второй указъ, о которомъ говорятъ Малала и который съ первымъ не имѣетъ ничего общаго, можно и должно было бы освѣтить на основаніи римскаго наслѣдственнаго права, при чемъ слѣдовало бы прибавить, что императоръ Анастасій преобразовалъ наслѣдственное право братьевъ и сестеръ ²⁾).

Характерно для нашего автора, что и въ заключительной главѣ, посвященной общей оцѣнкѣ правленія Анастасія, сохранена та же лѣтописная манера изложенія. Здѣсь передается вкратцѣ содержаніе панегирика Присціана, потомъ панегирика Прокопія, и наконецъ авторъ безъ всякой внутренней связи переходитъ къ Роману Сладкопѣвцу только потому, что онъ жилъ въ царствованіе Анастасія и о немъ раньше ничего не было сказано.

Книга Ю. А. Кулаковскаго представляетъ первый у насъ общій трудъ по исторіи Византіи и съ этой точки зрѣнія несомнѣнно заслуживаетъ одобренія и сочувствія.

II. Безобразовъ.

1) Панченко. О тайной исторіи Прокопія (Визант. Времен., т. III, стр. 521).

2) Объ этой реформѣ см. Зомъ. Институціи римскаго права, стр. 357.